

В заключение я хотел бы отметить, хотя, надеюсь, это было ясно из сказанного мною, что критика власти в нашем государстве не означает критику социализма, поскольку я совершенно не уверен в необходимости строить социализм так, как это делалось в нашей стране, и поскольку я нашу власть не отождествляю с социализмом, как это делает она сама. И судьба их не должна быть тождественной. Если бы люди, которые осуществляют власть в нашем государстве, — я сейчас как бы отрываю их от института власти и обращаюсь к ним как к индивидуумам со своими чувствами, со своими мыслями, — так вот, если бы они пришли сюда и задали нам один-единственный вопрос: осуществима ли мечта о правительстве, тождественном гражданину, и о гражданине, который подвластен только самому себе, то и они должны были бы признать проявлением доброй воли с нашей стороны и гражданской лояльности ответ: „Не знаю” (Аплодисменты).

Павел Когоут

О ЦЕНЗУРЕ

(сокращенный текст)

В одном из регионов мира появилось новое государство. Оно возникло на исторической территории малого народа, который на протяжении многих веков подвергался гонениям и ассимиляционному давлению соседних наций. Это произошло вследствие военного конфликта, в котором народ данного государства, пусть и весьма малочисленный, сыграл очень важную роль — и в результате получил законные границы и дипломатическое признание. Но этот малый народ не перестал быть сучком в глазу своих соседей. Некоторое время спустя, они снова заявили о претензиях на его территорию. Предлогом для этого стало прежде всего наличие на его территории значительного национального меньшинства, исторически отделенного от своей нации в соседнем государстве, утверждавшего, что права этого меньшинства подавляются. 20 лет спустя положение обострилось настолько, что могущественный сосед стал угрожать малому государству уничтожением. Угроза не была лишь словесной и высказывалась не шепотом, а открыто, перед всем миром. „Уничтожение” — это слово повторялось почти в каждом выступлении лидера могущественного народа. „Уничтожение” — это слово ежедневно повторялось на плакатах, в печати и по радио. Проживавшему в малом государстве меньшинству ежедневно пересылалось оружие, туда переправляли диверсионные группы; на границах сконцентрировались воинские соединения могущественного соседа, намерения которого не вызывали ни-

каких сомнений. Для полноты картины можно добавить, что малое государство было прозападным демократическим, тогда как режим в мощном соседнем государстве был тоталитарным, но скрывающим свой тоталитарный характер и свой экспансивный национализм за псевдосоциалистическими фразами. Попытки малого государства восстановить на своей территории порядок и ликвидировать террористов могущественный сосед называл геноцидом и использовал их как предлог для выдвижения ультимативных требований: либо сдавайтесь, либо будете уничтожены. До этого момента все рассказанное выше — экскурс в историю. Вы наверняка обратили внимание, что я перечислил реальные исторические факты, причем речь шла не об арабско-израильском конфликте, а о конфликте между Германией и Чехословакией. Эта параллель пришла мне в голову и, наверняка, многим из нас, когда в начале июня на берегу маленькой чешской речушки в почти тропическую жару я просто физически почувствовал, как тяжело погибать молодым евреям и молодым арабам в синайских песках. И я спросил самого себя: если бы в 1938 г. Чехословакия не капитулировала и мы стали бы стрелять первыми, смог ли бы кто-либо из справедливых судей и секундантов назвать это агрессией? Я имею в виду моральную сторону проблемы. С научной точки зрения, исторические параллели, разумеется, неточны. В столкновении, которое месяц назад произошло на Ближнем Востоке и в котором мы не были ни участниками, ни секундантами, а всего лишь свидетелями, кое-какие обстоятельства, разумеется, были иными. Прежде всего сильным соседом в данном случае был народ, еще недавно бывший товаром на рынке рабов. И все же, как гражданин страны, которая пережила Мюнхен, я имею полное право спросить, можно ли оперировать понятием „агрессия” столь однозначно, как это делалось в нашей печати? Я говорю „гражданин”, потому что правительство — с учетом союзных и других обязательств — может занять иную позицию, на то оно и правительство. Но у гражданина, даже у совершенно лояльного гражданина, может быть своя позиция, а на двадцать втором году социалистической демократии у него должно быть и право об этой своей позиции заявить в печати открыто. Насколько мне известно, несколько из присутствующих на нашем

сегодняшнем собрании попытались опубликовать свой взгляд на события на Ближнем Востоке. Их заявления, однако, подверглись цензуре, аргументированной тем, что писатель должен заниматься литературой, а не политикой. Следует напомнить, что это утверждение нам повторяют с 1956 г., когда оно было сформулировано как „незначительная” модификация идеи, что писатель посредством литературы должен заниматься прежде всего политикой. Как будто предшествующие тысячелетия и в особенности 50-е годы не научили нас, что изящная словесность политику заменить не может и в то же время является, возможно, единственной формой искусства, которая не в состоянии остаться в стороне от политики. У агрессии — той мнимой, в которой обвиняли Чехословакию в 1938 г., или подлинной — гитлеровской, или фактической — израильской, или потенциальной — арабской — есть не только политический, но и нравственный аспект. И именно этот аспект важен всегда и для всех, в том числе для политиков, которые претендуют на право формировать лицо мира, как люди творчества формируют его душу. Я, как и другие авторы, статьи которых подверглись цензурному запрету, не намерен полемизировать с позицией правительства. Я заинтересован лишь в том, чтобы и для меня существовала возможность заявить открыто о своей точке зрения на самые серьезные проблемы внутренней и внешней политики, если позиция правительства вызывает у меня сомнение. В случае, о котором я только что говорил, нашлось бы достаточно эрудированных специалистов, которые, возможно, повлияли бы на мое мнение и даже изменили его. В крайнем случае, официальные представители правительства могли бы отмежеваться от моей точки зрения и отвергнуть ее, хотя бы на обычных пресс-конференциях, которые устраивают даже в странах с не столь глубокими демократическими традициями, как Чехословакия, например, в Нигерии.

С этого момента я, и не только я, но и десятки тысяч моих сограждан, перестали бы опасаться, что в этом мире, раздираемом на части в интересах власть имущих, человек был и остался статистом, и что его, одетого в разные периоды истории в различные костюмы, одинаково передвигают по сцене, а он, статист, даже не знает, кто сочинил пьесу и что в ней происходит.

Роль, которую в нашем обществе продолжает играть цензура (несмотря на новый закон о печати), совершенно постыдна. Из статьи, которую я написал для газеты „Литерарни новины“ („Литературная газета“), был вычеркнут как раз тот абзац, ради которого она была написана — почему я отказался от своего поста члена ЦК Союза писателей. Вот что там говорилось: Первая причина — чисто внешняя: некоторые важнейшие решения были приняты, несмотря на наши деловые и обоснованные возражения; наш орган не воспринимался как равноправный теми институтами, которые должны были его таковым считать.

В это же время я судился по жилищным делам. Наивно представляя себе новый закон о печати, я попросил помогавшего мне в жилищном иске адвоката подать от моего имени жалобу на нарушение этого закона, поскольку в вычеркнутом абзаце никак нельзя было усмотреть ничего, что могло бы нанести ущерб интересам государства и общества. Я был очень удивлен, когда мой адвокат на следующий день позвонил мне и, пораженный этим еще больше, чем я, объяснил мне, что такую возможность защиты новый закон о печати не предоставляет. Я выслушал его объяснение (что мне еще оставалось делать!) и узнал, что я имею право направить свой протест только в редакцию газеты. Если редакция встанет на мою сторону, она передаст протест издателю. Если и издатель сочтет, что он вместе с автором и редакцией может нести ответственность за мою статью, то тогда органы цензуры, если они заинтересованы избежать суда, должны разрешить напечатать статью. Я еще раз подчеркиваю, что эти правила должны соблюдаться, если речь идет о проблемах общественно значимых, как в вычеркнутом абзаце моей статьи, но ни в коем случае — и это понятно — если речь идет о вопросах, которые могли бы нанести ущерб обороноспособности государства или противоречили бы Конституции. Но это все в теории. Практика же такова, что цензоры свою печать не поставят, потому что они убеждены, что никто на них жаловаться не будет. Закон о печати перечеркивается партийным постановлением, в соответствии с которым издатели-коммунисты обязаны обсудить вопрос в соответствующем отделе ЦК КПЧ. Результат этого только один: за несколько последних месяцев было запрещено несколько десятков статей, напи-

санных для газеты „Литерарни новины“. Некоторые, после вмешательства партийных органов все же вышли, многие же не были опубликованы, потому что за это время потеряли актуальность. Быть может, товарищи Шотола, Шпитцер и Птачник сообщат нам точные данные, сколько было подано жалоб на органы цензуры (Реплика Птачника: Ни разу.)

Я думаю, наш съезд — съезд союза, значительная часть членов которого — писатели-публицисты — должен требовать такого дополнения к закону о печати, в соответствии с которым каждый автор имел бы право защищать свободу высказываний в рамках — подчеркиваю — в рамках Конституции. И прежде, и ныне каждый автор несет ответственность и за свои взгляды, и за свое творчество: ответственность моральную, когда его критикуют публично; ответственность материальную, когда его произведение запрещает цензура, и он лишается тем самым гонорара; и ответственность юридическую. За эту тройную ответственность ему следует предоставить единственное и естественное право: защищаться с помощью закона, который, в случае, если автор чем-то провинился, может быть использован против него. Я предлагаю, чтобы эта рекомендация была включена в Постановление съезда как самостоятельный пункт. (Аплодисменты.)

Война на Ближнем Востоке и Закон о печати, принятый недавно в Чехословакии, это два вопроса, которые, на первый взгляд, никак не связаны. Но к счастью (иногда, правда, к сомнительному счастью) круг моих друзей и знакомых в значительной степени состоит из молодых людей — 20-25 лет — т. е. людей на поколение младших меня, в основном, студентов. Могут возразить, что мое отношение к этому поколению несколько субъективно, поскольку на фабриках и на полях, по мнению некоторых аппаратчиков, до сих пор живет и трудится молодежь чистая, цель которой — вступление в Коммунистическую партию Чехословакии. Даже если бы это было так, я все равно не могу избавиться от тяжести на сердце, так как из нескольких десятков моих молодых друзей — будущих или уже окончивших институты инженеров, артистов, архитекторов и врачей, т. е. из людей, которые в век научно-технической революции будут находиться на капитанских мостиках своих профессий, о вступ-

лении в партию не думает ни один. Могут возразить, что я встречаюсь с какими-то ущербными людьми, но, как ни странно, они совершенно нормальны и, что очень важно, исключительно талантливы. Человеческие отношения формируются не только на основе партийной принадлежности, поэтому они терпят меня в своей компании, более того, относятся ко мне с доверием, и потому в моем присутствии откровенны. Когда они высказывают не совсем верные взгляды на первую республику, на 1945 год, на Февраль, на Советский Союз, на наши союзнические отношения с СССР, на западную демократию, я спорю с ними. В то же время я спорю и за них, и от их имени. Их иллюзии и скепсис порождены тем, что этой молодежи, да и всем другим способным думать гражданам нашей страны, до сих пор навязывают авторитарно, что они не генерируются в свободной дискуссии путем обмена мнениями. Тот факт, что четыре наших писателя — двое побывавших в Израиле и двое — в Объединенной арабской республике, не получили возможности высказать свои взгляды на страницах газеты „Литерарни новини“ из опасений, что это поставит под угрозу репутацию правительства, занявшего из высших интересов однозначную позицию, лишь еще раз иллюстрирует эту нашу действительность. Однако в странах буржуазной демократии, которую мы называем марионеточной, иногда даже имея для этого некоторые основания, выступления на страницах газет со взглядами, отличными от официальных, дело будничное. В результате в этих странах наблюдается политическая активизация молодежи, довольно похожая на активизацию моих сверстников в молодости, когда, кстати говоря, у нас в первые послевоенные годы был совершенно свободный обмен мнениями...

Я снова вернусь к теме, с которой я начал и которой хочу закончить свое выступление. Государство — это государство, даже если речь идет о социалистическом государстве. У государства есть свои функции и обязательства, которые разумный гражданин должен признавать. Но все же не следует забывать, что мы когда-то осуществили какую-то революцию, которая должна была реализовать самые смелые мечты человечества и в результате которой человек должен был стать свободным.

НОВЫЕ КНИГИ

*Тереза Торанская
Якуб Берман*

НЕЗАВИСИМОСТЬ ПО-СОВЕТСКИ*

II часть

— *Что бы вы сделали с Миколайчиком, если бы он не бежал?*

— Он не остался бы на своем посту. Это было очевидно. Но я не ожидал, что он сбежит. Мы как раз принимали здание Госплана, когда кто-то сказал мне о побеге Миколайчика.

— *После разгрома Польской крестьянской партии (ПСК) пришла очередь Польской социалистической партии (ППС), и после расправы с Ясным-Завадским и Конопкой настала очередь Гомулки?*

— Нет, это не так. Первое столкновение с Гомулкой произошло не из-за его выступления о роли, которую играла ППС, а на год раньше. Осенью 1947 г. Советский Союз выступил с инициативой создания Коминформа. Эта инициатива преподноси-

* Из книги Терезы Торанской „Они“. Этот сборник интервью с бывшими польскими коммунистическими деятелями был издан в Польше в неподцензурном издательстве „Przedswit“. Интервью с Берманом печатается с небольшими сокращениями.